

Светлой памяти А. Д. Соловьевой, учёного, коллеги, подруги

Не перестаёт удивлять проза Василия Шукшина, нашего земляка, нашего «чудика» в литературе, задиристого русского интеллигента, правдоискателя, – следственно, с драматичной судьбой в жизни и в литературе.

По мнению исследователя П. Глушакова, «в прозе Шукшина стал **мыслить** (иногда чудно, нелегко) тот огромный народный материал, который оставался в русской интеллектуальной культуре неизведанным, пугающе тайным». И далее. «Возможно, Шукшин – последний русский писатель, менявший жизнь людей самим фактом своего существования. Его читатели не могли уже быть такими, какими они были до прочтения его прозы, – это понятно. Но были ещё зрители его фильмов; им, этим зрителям, иногда ещё не прочитавшим ни одной шукшинской строки, что-то становилось ясней в мире после «Калины красной».

Шукшин – сложный писатель, один из самых сложных в русской и без того не простой литературе 20-го века. Писатель спрессовал ткань литературного произведения (рассказа – прим. автора) до максимально возможного, что приводило

к такому эффекту, что несказанное будто бы неминуемо звучало в подтексте, в «сшибке» ожидаемого и реального. Читатель становился сотворцом текста, и это вовлечение стало одним из открытий Шукшина-художника». Эти справедливые слова литературоведа открывают его интересное исследование творчества писателя в книге «Шукшин и другие» (С-Петербург, 2018), где также удивляют неожиданные сопоставления творчества Шукшина не только с Шолоховым, Горьким, с писателями-деревенщиками, но и с поэтами Лермонтовым, Некрасовым, Есениным, Бальмонтом(!)

Но стоит обратиться к человеку, которому посвящена данная статья. Это Анастасия Дмитриевна Соловьева, доцент, зам. декана филологического факультета Алтайского госпедуниверситета, затем доцент факультета журналистики Челябинского государственного университета, недавно ушедшая из жизни. Она составитель «Словаря фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина», весь состав которых составляет 5594 единицы. Напомним читателю определение фразеологизма: *Фразеологизм – это целостная по значению единица языка, выражающая всем составом одно понятие о предмете, действии или признаке реальной действительности.*

Собрать все фразеологизмы, расклассифицировать и дать содержание каждой единицы, основные грамматические характеристики и иллюстрации из произведений Шукшина – это большой многолетний труд учёного.

В художественных текстах и публицистике Шукшин использовал весь национальный запас фразеологии: литературной (книжной, официально-деловой, народно-поэтической, разговорной) и нелитературной (диалектной, жаргонной, просторечной). Примеры фразеологизмов первой группы: *одним махом, положить голову, ни сном ни духом, печ-*

ки-лавочки, грех на душу брать, войти в контакт, запас прочности, вольный казак, наломать дров, как две капли воды, за тридевять земель, в глаза, за глаза и др. Вторая группа представляет собой единицы с резким выражением эмоций – восторга, восхищения, неприязни, отвращения: *закрой хлебало, крыса канцелярская, брать ларёк, подломить магазинчик, ша, кругом шешнацать, бодаться с налимами, разлысить лоб* (диалект.), *в гребь, в двуконь «верхом на конях», земля пухом лежать* (архаич.) – в романе «Я пришёл дать вам волю».

Всё это узуальные фразеологизмы (от лат. *usus* – правило, обычай, употребление), то есть общеупотребительные в живом разговорном языке.

И есть ещё авторские фразеологизмы, принадлежащие самому писателю. О них мы читаем в статье А. Д. Соловьевой «Фразеологизмы в публицистике В. М. Шукшина».

О Шукшине, писателе, режиссёре, сценаристе, актёре, написано достаточно много. А вот Шукшин-публицист остался как-то в тени.

Л. Аннинский пишет, что «вряд ли он считал себя публицистом, он вообще стеснялся торжественных «жанровых» определений». Совсем не написано о Шукшине-литературоведе, критике. А ведь он блестяще анализирует кинофильмы, свои и чужие тексты рассказов, сценариев, анализирует тем же языком, что и в рассказах его – внутренне напряжённым, эмоциональным, по стилистике короткими предложениями (парцелляция – особенность языка Шукшина) в вопросно-ответной форме. Рабочие записи, беседы с журналистами, интервью, несколько статей в журналы – эти работы относят к публицистике, которой посвящена по сути одна книга, составителем которой является Л. Н. Федосеева-Шукшина, со вступительной статьей Л. Анненского. Книга называется по

заголовку статьи Шукшина «Нравственность есть Правда» (1968 г.).

Публицистика писателя относится к последним десяти годам его творческой жизни – 60–70-ым годам XX-го века. Она не представляет собой отдельное самоцельное творчество – он писал для газет, журналов с целью объяснить свои позиции в литературе и киноискусстве, свои взгляды на некоторые социально-общественные явления. Почти все 33 статьи объединяются искренним интересом писателя к небольшому кругу проблем, которые Шукшин считал для себя главными: *взаимоотношения современной для него литературы и кино, взаимоотношения города и деревни* («Куда же всё-таки идёт деревня?»), *роль интеллигенции в деревне*. В своих статьях писатель размышлял также о народном герое (любимом персонаже истории – Степане Разине), о творчестве других писателей и деятелей кино – В. Белова, А. Скалона, М. Ромма, М. Хуциева. (А. Д. Соловьева, Фразеологизмы в публицистике В. М. Шукшина).

Известно из статей литературоведов, что в своих художественных произведениях Шукшин отказывался от авторской оценки своих персонажей. Читатель сам должен сделать выводы, оценки: каков герой рассказа? кто прав? что нравственно? что безнравственно? что духовно? что бездуховно? **что с нами происходит?**

«Но в публицистике Шукшин проявляет себя как полемист, жёстко отстаивающий свои позиции в литературном и кинематографическом процессах, во взглядах на современное ему общество. Писатель считал: самое главное, что думающий читатель и зритель ждёт от автора, – это Правда. Два понятия – **Правда** и **Нравственность** стоят у Шукшина рядом» (А.Д.С.) и прописаны с большой буквы, чем задаётся интеллектуальная и этическая доминанта всей публицистики

(«Воздействие правдой», «Ещё раз выверяя свою жизнь», «Вопросы самому себе», «Завидую тебе» и др.)

«Правда труженика и правда паразита, правда добра и зла – это и есть, пожалуй, предмет истинного искусства. И это есть высшая Нравственность, которая и есть Правда («Нравственность есть Правда»).

Позволим ещё привести отрывки из статьи А. Д. Соловьевой о языковом новаторстве Шукшина в его публицистике:

– В идиостиле В. Шукшина узуальные единицы преобладают по сравнению с авторскими употреблениями, это фразеологизмы: *восстановить в правах, двигаться вперёд, махнуть рукой, на сон грядущий, обойдённый вниманием, обретать силы, открыть глаза, познавать самого себя, посадить в лужу, приложить свои силы, просить выхода, прямо смотреть в глаза (правде), рот открыть, сделать своё дело, скулы воротит, служить примером, со спокойной душой* и др.

– ...наиболее заметно **языковое новаторство** Шукшина в публицистике. Причины авторских изменений, обновления в языковом (речевом) составе всегда сводятся к отсутствию в узусе необходимых номинаций для оформления авторского отношения, авторской оценки какого-либо явления.

– Наибольшее количество авторских фразеологизмов отмечено в публицистических работах В. Шукшина о творчестве в литературе и киноискусстве. Своё неприятие шаблонов, стандартов в искусстве писатель передаёт целым рядом фразеологизмов, выражающих понятие «писать стандартно, конъюнктурно»: *выделывать ногами кренделя, на общие фразы выскочить, наработывать инерцию, отмолотить норму, рука летит по бумаге, сработала привычка* и др.

– «Я, боюсь, тут на общие фразы выскочу и отмолочу норму» («Вопросы самому себе»): *на общие фразы выскочить* – написать о хорошо известном, знакомом всем»,

отмолотить норму – «написать так, как ожидает кто-либо (читатель)». Шукшин убеждён, что конъюнктурное писание для самого автора не проходит бесследно:

– «*Истинная литература за такие штуки бьет кованым копытом по голове* («Средства литературы и средства кино»): **бить кованым копытом по голове** – «жёстко мстить». Всё удобное мешает искусству, и потому *«Нельзя, чтобы авторская воля наводила фокус на те только явления жизни, которые она найдёт более удобными для самовыявления»* («Нравственность есть Правда»). Здесь научный и технический термин Шукшин использует с обновлённым содержанием: **наводить фокус** – «выделять, привлекать особое внимание к чему-либо».

– «Шукшин не боится признаться в том, что ему не всегда удавалось отходить от схем в изображении персонажей. В киносценарии «Брат мой...» (в прокате фильм «Странные люди») стандартная схема взаимоотношений братьев («положительного» Сени, живущего в селе, и «отрицательного» Ивана, уехавшего в город) с самого начала предопределяет развитие событий: *«Всё сразу ясно. Дальше схема продолжает гнуть меня в бараний рог. Силы расставлены, рука летит по бумаге, сталкивая героев, слегка путая сюжет (современно!)»* («Нравственность есть Правда»): узуальный фразеологизм **гнуть в бараний рог** «подавлять, подчинять» контекстно связан с двумя авторскими единицами – **силы расставлены** «(что-либо) делается по определенному плану» и **рука летит по бумаге** «(кому-либо) пишется легко, без усилий». Ниже Шукшин пишет: *«Я сам себя высек, почаще надо останавливать руку, а то она нарабатывает инерцию»* (Там же). **Нарабатывать инерцию** – использовать что-либо привычное, закреплять что-либо». Если не остановиться вовремя, пойдёт *«ещё один недоносок» шагать по экранам*

(Там же). В те годы фразеологизм *шагать по экранам* обозначал «показываться, демонстрироваться» только по отношению к «настоящим произведениям соцреализма» – фильмам, идеологически безукоризненным».

– В годы торжества шаблонов и стандартов в литературе и кино не идти на поводу у стандартных схем, к которым читатель и зритель привыкают и которых ждут от автора, – значит сознательно встать на тяжкий путь непонимания и даже отлучения от любимой работы. Но ломать себя в угоду читателю (зрителю) и тем, от кого автор зависим, безнравственно, недостойно: **«Стыдно выделявать ногами кренделя, когда народу плохо»** («Вопросы самому себе»). **Выделявать ногами кренделя – развлекать (читателя)**. Развлекать, веселить – это другие профессии, литератор же должен **отразить своё время, открыть глаза** современникам на самое главное в этом времени... назначение литератора Шукшин выразил двумя узуальными фразеологизмами, употребив их словарные значения: **отразить своё время** «понять основные процессы, тенденции эпохи» и **открыть глаза** «помочь понять что-либо кому-либо».

– В такое время, предлагает Шукшин, нужно искать спасения в русской культуре: классики русской литературы – А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Чехов – сделали своё дело, они рассказали Правду:

«Какой головокружительной **кручей шли** они. **И вся жизнь их – путь в неведомое** («Нравственность есть Правда»). В цитате две авторские единицы: **кручей идти** вариант узуального фразеологизма *идти по краю* «рисковать, не бояться опасностей», **путь в неведомое** – перифраза из Маяковского «Поэзия – вся! – **езда в незнакомое**».

Приведём далее без комментария ещё несколько авторских фразеологизмов в беседах о цензуре, в статьях о деревне, в

разговоре о мещанстве, о роли интеллигенции в обществе: *махает красным карандашом, грубая ладонь жандарма, клонить грешную голову, приложить свои силы и разум, по зубам треснуть, зияющая утроба, гармонь никого не ищет, сердце лизнет до боли, между двух стульев, интеллигент духа, подпеть могучему басу, от моей головы пошло сияние*. Эти часто «сдвинутые» фразеологизмы помещаются в новый контекст и обогащаются новыми смыслами или вносят в новый текст традиционную семантику воспроизводимой единицы: например, *интеллигенты духа* (вместо *аристократы духа*), *вековой драп* (вместо *вековой дуб*), патефон, *сработанный ещё рабами Рима*, *взять и снять шляпу, дело не в шляпе* и так далее.

О своей публицистике сам автор сказал тоже в форме «сдвинутых» фразеологизмов: «**ищу возможность насущного разговора**».

Итак, создание новых фразеологических единиц в публицистических статьях соответствовало воззрениям писателя на необходимость пользоваться нешаблонными, незатёртыми языковыми средствами. В любом его тексте эти новые языковые единицы позволяют увидеть авторскую оценку явлений и персонажей. Василий Макарович Шукшин был одним из тех писателей, кто повлиял на развитие публицистики, на её изменение и обогатил её словарь, разрушая стандарты. И с этих позиций исследования А. Д. Соловьевой вносят существенную лепту в изучение языкового новаторства В. М. Шукшина-писателя, Шукшина-публициста.

